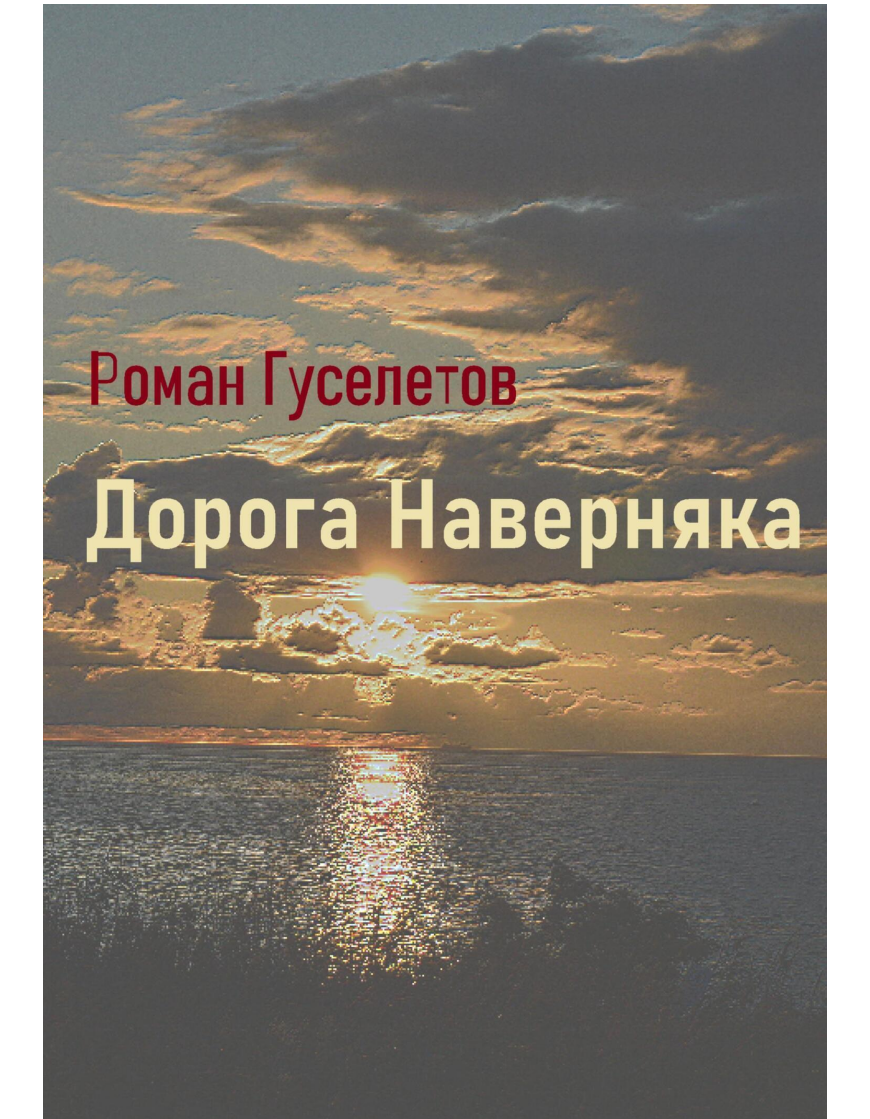

Роман Гуселетов

Дорога Наверняка

Роман Александрович Гуселетов

Дорога наверняка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68459167

SelfPub; 2022

Аннотация

Путь человеческой души по тропам жизни проходит через вселенную, которая заключена внутри. И чем слабее прутья клетки, тем ближе путь в неведомое. И дорога наверняка приведет в конце концов к желаемому.

Содержание

Прокрастинация	5
Мотылек	9
Бледноликая	13
Эхо	17
Океан	19
Кашемир	21
Я теперь	29
Дождь. Дождь. Дождь	31
Обочина	33
Анис	38
Про лето. Про любовь	40
Светлый вечер	43
В Ир-Калле нет огней	46
Затмение	48
Прохлада	50
Затерянные	52
Давай помолчим	55
Предчувствие	58
Зелень	61
Вы	64
Ветер и шоколад	66
Между	69
Палитра	72

Дитя	76
Тишину бы	79
Ее одну	81
Силуэт	85
К. Бродяга	87
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Роман Гуселетов

Дорога наверняка

Прокрастинация

Шелест света поник перед мраком,

что несет в себе ночи секрет.

Я забуду, как надо держаться –

будто этого времени нет.

Поле ночи и поле отваги.

Говор света, молчание тьмы.

Я нигде – ни в словах, ни в бумаге,

не пытайся, меня не найти.

Ни однажды, ни снова и снова –

не пойду по прогорклой земле.

Звезды скинут дневные засовы,

обнажив души пленные мне —

в их заветренных воском оковах

не дотронутся кожей руки.

Я теперь, мама, лучше, чем новый.

На меня ты теперь посмотри!

Душе стало невольно и тесно.

Я ее перед сном застрелил.

Там сейчас бесконечная бездна —

что угодно туда положи.

Хочешь листья слысевшей березы,

хочешь стоны октябрьских птиц.

Корни полуприжившейся розы,
чьи цветки облетели уж вниз.

Но тяжелое только не складывай –
не поместится, как не клади.

Ни любви, ни засоленной радости
здесь не будет. Я их отпустил.

Ты не жги за мной в дерне проталины,
я, возможно, вернусь посмотреть
на таких Нас, которыми стали мы.

Так не хочется больше болеть.

Ты дождись, все, однажды, закончится.

Вздвогнем, словно с кошмарного сна.

В бездну, больно прогнав одиночество,

будет снова проситься душа.

Мотылек

Зовет до завтра,
пройтись с ней вечнодремным
путником.

Поет однажды,
но звуки никогда не станут снова
будними.

Их будет вечное
неисчислимое всеневесомое
пророчество.

Я стану млечная.
Я буду гнуть свое неверно
одиночество.

Мне не отвергнется.

И солнце станет умолять о
непрожжении.

А ночь, как девственница,
не улыбнется, когда будет
продолжение.

Я мальчик голенький,
Все неустанно повторяющий
невинное.

Я власть непомнящий,
через закон переступающий,
как глиняный.

И время медное,

как стон ударится внахлест
об облачное.

Подруга медленная,
только теперь узнала, что она —
заложница.

И дождь окаянный,
залил всю осень, и всю ночь
до памяти.

И сверхъотчаянный
теперь мой стон впитает все моря
и камни.

Я буду новыми
ходить шагами по земле

и воздуху.

А звезды сорваны.

Приказом одинокого гонца

и посохом.

Любовь и трон,

в котором каждый усидеть

стремится,

увидят сон.

Там белый лед на ярко-желтых отрывных страницах жизни —

болезнено искрится.

Бледноликая

Здравствуй, бледноликая!

Уроненная с солнца

ты охраняешь дюжину теней,

что заполняют медленно пространство

между мыслями.

Ты ровно медленная.

Порой не видишь – открываются врата

в неверное.

Так, словно в четверть силы

чуть ударяются шаги о каменную грань

земли и тела.

В точности сейчас,
как в предыдущие слова врезаются мелодии
случайных голосов,
по ветру их не слышно.

И ты не слышишь.

Незнакомец,
увидев, что погасли звезды,
двинулся к тебе,
лишь на мгновенье замерев от нетерпенья.

О, бледноликая!

Теперь ты среди нас.

Минутою назад случайной гостьей
ходила по асфальту,

словно день.

Теперь ты серебристая печать,
что во вчерашний кратер провалилась.

О, Боже, как красиво
минуты разбиваются об отмель
вчерашних грез.

Как их осколки задевают мягкие сердца
твоих огней.

Как заклинание
не может справиться с нагой душой и разрывает
на слова жизнь, волю, чувства и любовь.

Жизнь, волю и любовь.

Любовь и волю.

Волю и любовь.

Любовь.

И волю.

Волю и

любовь.

Эхо

Неспешащий в погоне
за единственным цветом
василькового утра
среди сотен раздетых.

Робкий день сломлен ночью
и покинут отвагой
одержавшего имя
перед времени шагом.

Его враг будет тонкой
незабвенной надеждой
возвращения эха,

пусть другим, полупрежним.

Страху большого в мире

не отыщешь, чем в знании,

что тебя заберет,

то, что спит в ожидании.

Океан

Отныне море – горизонт.

Поспи. И будет сон глубоким.

Поет дух ветра. Славит он

Бродяг под парусом широким.

Владенья эти посетив,

Ты запретил судьбе смеяться.

Секретных вод глоток отпив,

Ты перестал звезду бояться,

Что отражала твой покой

В реке унынья и неволи.

Ты не забрал печаль с собой.

Вдохнул мечту с приливом крови.

И радуйся, плыви, игрок

К тем берегам, что ищут боги.

А вдоль песка возьми виток -

Там океан ждет одинокий.

Кашемир

Когда же прекратится лишь

под утро

струиться свет

от вероломных фонарей.

Я расскажу тебе, родная, часть истории

о самом страшном среди множества зверей.

Однажды это было, может больше –

кто видит почерк в окаймлении огней.

Свернула девушка машину на обочину.

Закончив ход последовательности дней.

И синих крыл пробитые мембраны,

наевшись воздуха спикировали вниз.

Когда-то у него была одна Ты.

Теперь Тебя десятки единиц.

Глаза его застряли вечной новой,

перед исходом слов и торжества.

О, боже, как же дорого обходится

случайная жестокость.

Боже!

Длань

ложились на глазницы.

Пустая длань

ложились на глазницы.

На место выдавленных глаз

ложились длань

от нежных ангелов бездействия.

И не могла уйти.

Спаси ее, спаси.

Порежь пальто из кашемира бурей

и растопи, до нити растопи

у берегов морей священного Меркурия...

В засохшем кабинете вечной тайны.

Где истина замерзла меж страниц,

пускал дым в нарисованные пальмы

судимый смертью, Судящий убийц.

Он видел, как холодные вставляли

и болью брызгали на душу свой рассказ.

Но только, когда жизни угасали,
тогда, как сгинуть навсегда за раз.

И в этот день, привиделось тогда
наполненное болью откровение.

Секунда шесть, секунда – без конца
между обычных ядер звездное деление.

И лейтенанту трудно угадать,
кто среди выбывших навечно будет проклят.

С неверным говором, но знающим слова,
или испуганный, что будет недопонят.

А может улыбающийся для,
и, может, недоверчивый на осень.

Или же тот, которому броня

лишь пепел. Или же с неверным,

застывшим

бегом линий

лика невозможного.

Асфальт холодный застучал

по каблукам.

Кап-кап,

где неживая мысль подозрения

застыла среди сосен.

И как теперь ее узнать,

и в чашке утреннего кофе

за стойкой придорожного кафе

увидеть.

Теперь навечно та тайна будет прятаться
в тревоге ледяной земли,
и шелестящего пакета
под ней.

Звонящим солнцем в полудреме
сквозь стекло,
прольется песня.

Зовет воскреснуть, посмотреть в тетрадь –
там жирное пятно напомнит сердцу,
зачем оно поставлено.

И кто быть может проклятым.
Зеленые глаза,
пропахшее пальто

из кашемира дымом.

И невозможное лицо.

О, Боже!

Середина жизни –

отнюдь не половина

прожитых дыханий и дорог.

Их сердцевина

немее перед возгласом

всесильного.

Кто же он, мой Бог?

Мой одинокий призрак.

Что же там, родная,

случилось после?

Лейтенант

разоблачив убийцу, стал

светлейшим князем

исповеди.

Но ненадолго,

только

навсегда.

Его кровь льется

лунной заповедью

до звезд потухших берегов

отчаянья.

Пока здесь жизнь.

Я теперь

Живо лес горит, да не обожгись,
да волнуются небеса.

Вместе с горнами острыми вознесись,
закатив по янтарь рукава.

Это будет достаточно – выстоять.

Чтобы вновь полюбить образа
недокуренных несквозных выстрелов,
от которых солено в глазах.

Деревянные снов отражения
полускомканных душ и роса,
что вбирает на волю гонения,

я неверная полоса.

Девять ноль перевернуто знание,

покалечены облака,

я заветренное заклятие,

недоверчивых до конца.

Сохрани необыкновенное,

я согласен на стон души.

Донеси сверхпроникновенное.

Я теперь мертвая баньши.

Боже, буду тобой любимая,

буду свернутая, словно кровь.

Я теперь непоколебимая.

Я теперь новая любовь.

Дождь. Дождь. Дождь

Сиреневые косы Ариадны.

И кровь уставшая немых и бледных дней.

Я вновь почувствовал – в душе сломалась ветка,
изогнутая ранами качель.

И в верхних гранях спутанных сомнений,
столь целомудренно рождается атеист,
уверовавший в пагубно спасительную,
и бесконечную затянутую высь.

И нет Его, посреди нас, не будет
бить неуклюже дождь по знойной ржи.

Водою станет сыпаться ненужной

на полугожие подобия души.

Смиренно стон додумывает скорость

до бесконечной станции Любовь.

Лишь тот, кто видел, тот однажды вспомнит,

что были так и вдох, огонь и боль.

Обочина

Свобода и преданность

медленной денности,

словно, и только, обещанный след

от темноты, что тревожится тленностью.

Невозмутимой победы

задел.

Словно, и только, где были

отверстия

в сердце и крови для бойкой души,

стали теперь однородной

поверхностью.

Там, где изогнуты

полуогни.

Болью и верностью

бредят отвергнутые.

На задымленных лугах прежних сил .

Словно, и только, неверная

времени,

данности,

оклику из темноты,

и освинцованная одиночеством

сгинет любовь

в запредельные дни.

И обездоленные миротворчеством

ходят теперь по забытой Земле.

Между Стремлениями,

по обочине,

словно, и только,

немых фонарей.

Spes

Augusta

Великолепие.

Сродни бездомным чувствам

дивных рассказней.

Теперь, как хочешь ты,

ложись под грабель солнца.

Шурши отвагой и не знай,

что вера – крайний

артефакт безумства.

Голой стань

для господина ржавого Заката.

Одно доподлинно известно,

что

среди камней,

воды,

секунд

и космоса —

лежит дорога

к долгожданному спокойствию.

Но не узнать ее

среди проклятых оков

тутого вензеля.

И тень от звезд

холодной нитью

тянется до сердца.

Не возлагай на плечи

босых и глухих

проверенное превосходство.

Неси, неси,

неси.

Неси.

Анис

Анис разбаренный.

Оранжевый закат

В хмеле

и в дыме разговоров.

И запах будущего

в пленную жару

ворвался этим летом

заново.

Мелькают выдохи.

За каждым из иных

закреплены

мгновения,

бредут вполголоса.

Ответственные мы

за тишину этой ночи

становимся.

Желтеющие сны,

и праведный огонь

всех звезд у мира –

ничто.

В сравнении

с хмельной

отравой дыма.

Про лето. Про любовь

Летний, праведный,
догорающий стебель
ложится на отклики силы
вместе с западом,
вместе с тонкими жизнями.
Борщевик,
что отчаянно борется,
словно зверь,
за последний закат
своей жизни,
любви,

и отчаянья.

Я любил эти вести, когда

они были волшебными.

А теперь они просто,

как ветер, летают

неверные.

Словно было вчера,

словно не было.

Истинно –

только то, что отчаянно.

Что все силы в себя

сберегло. То – что выстояло.

Что под сенью дождя не слегло.

И пускай далеко этот путь,
как безумный,
стремится возвыситься.

Я ему расскажу,
где растет борщевик.

Где вполголоса
распускаются души,
и где свет свой любовь
обещает.

Светлый вечер

По камню останется ждать за распятие.

За отголоски борьбы, и за солнце,

что больше не с нами.

За время, что крутит

былинную осень.

И за покой.

Свет безумный

прожег все насквозь,

он не гонится.

Свет уже обогнал времена.

Обманул.

И теперь

цвет дыхания

его.

И теперь

здесь дышать

так легко.

Превосходно.

Желтым инеем тлеет металл,

небо ежится,

распуская в прогул облака.

Так, до вечера,

его исключенный из рук

блик от прошлого

подождет.

И исчезнет,

мгновением позже.

В Ир-Калле нет огней

Мудрость и кротость твои не спасли.

Не одолжила ты сил у земли,

Нинлиль. И плата сия высока.

Участь женой обвенчаться горька.

Он же владыка, он жег и крушил.

В ярком огне он смеялся и жил.

Он же не думал, что может любить,

Красным соблазном порок сотворить.

Иштар сестре не подыщет слова,

Камнем падет вниз его голова.

Там тьмой Эрешкигаль мучит мужей.

В Ир-Калле нет животворных огней.

Падай к нему, о, блаженная Нинлиль!

Разверзни любовь, что навек схоронили.

Энлиль узнает в глазах твоих свет.

И в царстве мертвых наступит рассвет.

Затмение

Берег речки, омытый брусчаткой.

Верх столба, онемев, дарит свет.

И застрял стон души под лопаткой,

Жаждет выпрыгнуть. Ждал целый век.

Ветер стих, ожидает мгновения

Подхватить цепи пленника снов.

Стон и стук – заискрят параллели,

Как два камня чужих берегов.

Тонко-струи из кладбища туч

Пролетят незаметно до цели.

Но не в силах добраться к тому,

Что желанье и кровь отогрели.

В полуночи затмения миг

Длится дольше двух жизней в одной.

В самый дальний отросток проник,

Вырвал с корнем и вместе с землей.

Доля с долей мгновенья сошлись -

Час назад забирает свое.

Потерять назовет, что нашли,

Пустить реку из двух берегов.

Разорвет параллели по швам.

Сгонит светом остатки чудес.

Верх столба, онемев ото сна,

Стал невидимым, снова исчез.

Прохлада

Лучи разбудят брешь небес.

И сонное мгновение

Раскроет толику чудес.

Мечты прикосновение.

Мезоны сыпят наяву

Открытый стук надежды.

И голос позовет к тому,

Чье имя неизменно.

Прохлада звездных полюсов

Измученной энергией

Вольется сквозь границы снов

В святое вдохновение.

И полетит, забыв проток

Излучины секрета.

Увидит все сама потом.

Узнает все мгновенно.

Дотронется до глубины

И вспомнит абсолютный

Мотив закованной любви.

Живой и обоюдной.

Затерянные

Затерянные где-то,

Пропавшие в безвестности.

Двенадцать тысяч метров

Пересеченной местности.

Легенды потускневшие,

Не ждущие награды.

Желанья обгоревшие,

Сломавшие преграды.

И золото в карманах.

Порезанное сердце.

Узнавшие однажды

Не ищут себе места.

С зеленых листьев медом,

Стекающим на землю,

В сезон проснуться сонным,

И инеем согретым.

Зайди рассветом робким,

Прерывистым полетом.

Закрытая коробка

Открытых переветов.

Двенадцать человеческих

И огненных мгновений,

Прошитые вселенскими

Дарами откровения.

И видел их, запомни миг.

Святой и настоящий.

В душе яви потухший крик,

К себе звезду манящий.

Я, все же, буду вечно

Срезать слой пермафроста.

Не сторожи мне место

На ветреном погосте.

Давай помолчим

Давай помолчим в тишине,

На время забыв о грозе.

Давай помолчим в небесах,

Не думая, вовсе, о снах.

Давай помолчим под водой,

Навеки забыв про покой.

Давай помолчим на Луне,

Сочувствуя нашей Земле.

Давай помолчим под землей,

Прибитые новой войной.

Давай помолчим в синей мгле.

Будем думать о завтрашнем дне.

Давай помолчим на руках,

Гнущих стрелки на старых часах.

Давай помолчим в сердце тьмы,

Станем другом вдвоем с нею мы.

Давай помолчим мы в огне,

Сжигая свой страх и свой крест.

Давай помолчим на краю,

Где я время для нас сохраню.

Давай помолчим о тебе,

Спляшем ветром смешным на волне.

Давай помолчим обо мне,

Жить стальной атмосферой звезде.

Давай помолчим сорок раз,

Точно так же, как прямо сейчас.

Давай помолчим и уснем.

Все, что будет, откроем потом.

И проснемся рассветом весны,

К серебристому звуку...

Предчувствие

В пронзительной обыденности,

Дотла, чтоб стало пусто,

Вне сердца и вне имени

Родилось предчувствие.

Скользкое, заветренное.

Неверным стоном сбитое.

Такое, что навряд ли мне

Подыщется укрытие.

Я гнал его, дышать не мог,

Но тщетны пробы страха.

Я понял знак, увидел срок.

Страница неба смята.

Зависло время, скорый гул

Торопит, заливает

Всю горечь для меня свою.

Не лжет, не обещает.

И удивляюсь, и смеюсь.

С дороги падать глупо.

Длину молчаний разделю

Непостоянным суткам.

Хотелось ждать, хранить заряд.

Суждения приятному.

Неверный стон зовет меня

Мольбами непонятными.

Невидящее, знающее,

И до конца не пустит.

К душе дойти мечтает.

Гнетущее предчувствие.

Зелень

Зелень сумасшедшая,
Одухотворенная прозрачность
Бытия.

Мне бы достичь все это,
выдержав отдачу
От руля.

Неслышимые возгласы
завидуют, константой замерев
На месте.

Их жалобы натачены,
Чтоб никогда не полететь.

Присесть бы.

И отдыха глотнуть,

И вспомнить вкус, который был.

Но он исчез.

В пространстве потонул,

Свободным облаком уплыл

За край чудес.

И пусть идет, плывет.

И без него хватает ощущений,

Что это было.

А, может, где-то ждет.

А я не чувствую томлений

его унынья.

Немыслимо. Перепишу историю,

Как захочу, как получу. Итог

останется доступен.

Ответно вторит мне,

хотя до нитки и промок,

и от ходьбы замучен.

одновременно с этим,

Но, все же, далеко

стучит.

Быть хочет человеком,

И так легко

молчит.

Вы

Он глядел поверх правых и прочих,
открестясь от пустой болтовни.

Удивляясь в бессонные ночи
ее странной манере на «Вы».

На щеке проскользнула улыбка,
замерев на секунду в душе.

Фрагментируя память обрывки,
поискав, не находит ответ.

И ушла, распластавшись на контур
онемевших и ссохшихся губ.

Будто strатила времени квоту.

Снова стал неслышим и глуп.

Он искал средь путей – покороче.

Но они оказались длинны.

Вспоминал он в бессонные ночи

дорогую манеру на «Вы».

Ветер и шоколад

Ветер разбудит,

не даст провалиться

в пьяную дрему забавного дня.

И будет, что будет.

Мы едем к границе,

там, за которой вторая часть сна.

Кидает к закату,

луч солнца вонзится

в волосы ржавых оттенков огня.

И вкусно так пахнет,

СЛОВНО ЭТО МНЕ СНИТСЯ -

Дорога до края еще далека.

Поехали скоро,

улыбкой меняясь

Мы друг у друга. Беседа чиста.

нежнейшая осень

пьянит шоколадом,

коричневым вкусом простого добра.

И вместе и порознь

станет неважным,

как ультра сожжет фиолетом дотла.

Гляди, птицы сонной

немое паденье.

А значит и цель наша очень близка.

глуши все моторы,

продолжим движение

пешком. Растянув сладость дня.

Между

Свойство материализоваться

заметно гаснет.

надуманно бояться

оттенков красных.

И в дымных коридорах

толпиться шлаком.

свежести откроем

казематы страха.

Резиновое время,

мечты – гимнасты.

раскрывшееся семя

обладает властью.

Забудет, не вернет.

Встрепенется.

Попробует еще.

Но нить порвется.

Возможно скоро.

Возможно сразу.

Возможно лопнет

иной, опасной.

не сдастся, сошьет.

обезумев от жажды.

Железный полет

ударит однажды.

не верит, не верит.

завеса надежды

мешает померить

расстояние между.

отставание между.

расставание между.

отрицание между.

слияние между.

биение между.

молчание между.

Палитра

Ритм.

Ритм.

Упавший под силой

небесных палитр.

Так мало тепла для него.

Он кроет от ветра

надежду,

секреты.

Однажды,

не увернется от камня.

Упавшее крепости знамя.

предварительно напряженный
железобетонный.

Так холода мало ему.

А солнце прощает дугу,
последнюю, мгновенную,
проникновенную.

Упавшая краска с палитры
бежит без оглядки

сквозь ритмы,
сквозь рифмы,
сквозь мифы,

но мимо.

Трава ей мешает

добратся до рая.

Но масло не топит

тень зелени мокрой.

Обратно не добратся,

зачем-то скрываться

от крови,

от боли,

от соли

морского прибоя,

конденсированная влага

прикроет,

поможет разлиться,

с радугой слиться.

Сухость гранита,

песка, малахита,

засоренные глаза.

И мокрая серебристая гроза.

Серебро – рассвет.

Маяк, как силуэт.

Красное масло по плитам,

по трещинам размыто.

Стучит встревоженно,

и уже можно.

Дитя

В ночи. По каменной границе
вдоль серых псов немого дня,
законченного однолицым
отсветом неба синих глаз,
бежит, упруго подражая
дикарке из степи пустой,
младенец, теменем срезая
край неба. В этой тьме глухой
закисшим чувством откровения
глядит в окно и гасит свет,
глупец, хотящий исцеления,

отшлифовав до блеска крест.

Он сухо смотрит в небо сладким

надеждой залитым огнем,

и фитилем в пыли пропавшим

метет, сминает день со днем.

Такой похожий с человеком

мечтой и воздухом молитв,

что трудно видеть достоверным

сей безупречнейший копир.

И враз младенец потешает

свою усталость, глядя вниз,

и след на камне оставляет,

лелеет смехом свой каприз.

Глупец, ломая стекла пальцем,
скользя по аверсу монет,
бежит. Но, все же, не угнаться
ему за детским складом лет.
Дитя не ждет дождя начало,
он свежесть пробует на вкус.
Ему дым молний – покрывало.
Манит тепло зеленых туч.

Тишину бы

Хочу послушать тишину...

притронуться рукой к началу.

Хочу найти, ее одну.

Всего оставшегося – мало.

Не видима она ко мне.

Не слышно ее шепот чудный.

Не расцветет сном по весне.

Зимой не колыхнется в тундре.

Заплачет недобитый зверь

о потерявшихся собратях.

Он доверял лишь только ей,

дрожал душой в ее объятьях.

Щдна надежда у него,

чтобы сберечь остатки сердца -

ждать снова тишину домой.

Ему с ней рядом будет место.

Ее одну

Дорога.

полоса прекратилась...

Лес нагой лиственницы,

смущаясь проснулся.

Вдаль укатилась

безмятежной таинственностью.

Остались лишь чувства.

Отраженный от фар

свет от снега на ветках

щекочет глаза.

Только медлить нельзя,

быстро в дом, и раздеться.

Эта ночь холодна.

Длинные волосы

золотистой заботой

заведут суету.

Дай послушать мне голоса

перепутанной ноты,

режущий пустоту.

Отголосок ранения

дум душевных о прошлом

переделают сон.

И картин обрамления,

откровенных и пошлых,

растревожат мой стон.

Осмелею стать воздухом,

выйду поздно на улицу,

поласкать тишину.

Даль пропитана порохом,

и грядущее хмурится.

Больше так не могу.

Чуть поближе от дерева

смотрит волк одиночеством

в оголенный гранит.

Ему силой отмерено

забирать то, что хочется.

Его сердце болит.

Он уйдет, не отважится

за секунду-другую

отобрать мою жизнь.

И продолжит искать ее,

не ласкаясь покоем,

целя плач свой на высь,

одну.

Силуэт

Светлейший князь,

укутай снегом.

И от безумства высоты

спаси, где бы я ни был.

Поверь в меня,

как я поверил.

Будь другом, не сомни

мое доверие.

Горит звезда,

сквозь лен томлений.

Возможно, силе простоты

не выбраться из заточенья.

Не будет дня,

чтоб снова где-то,

сквозь нож забвенной чистоты,

не различить мне силуэта.

К. Бродяга

Оставим здесь руины снов,

В погоне за закатом...

Однажды он пойдет домой

Тропой обыкновенной.

Прошедший день стоял стеной

Непокоренной тени.

Он, как всегда, избрал маршрут

Вдоль переулка скорби

О вспаханных кладбищах чувств,

Поросшими травой.

Его молчание, за день,

Придумало веселье -

Засыпать старую картечь

И в воздухе развеять.

Но вдруг, среди привычной лжи,

Услышал он другое.

– Ты мне дорогу покажи

В мрак к своему покою.

Слова мешали понимать

Его волшебный голос.

Но он умел душой внимать,

Хоть сердцем был не молод.

Поверил в сумасшедший бред

Про счастье и про совесть.

Что в жизни есть один запрет,

Что нет причин для злости.

Как, пролетая над землей,

Не отыскать нам правды.

Как может стать свой – чужой.

И это не преграда.

Его сиянью вторил блеск

Звезды, вдали зависшей.

И дал ей имя человек,

Давно на свете живший.

Спросил он имя у него,

Крещенное звездою.

– Оно забытое давно,

И стерто клеветою.

Теперь бродягой здесь хожу.

Но, как на счет тебя же?

– Я был когда-то...

Теперь зовусь бродягой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.